

РЕФЛЕКСИВНОСТЬ РЕЧЕМЫШЛЕНИЯ: МЕТАКОГНИЦИЯ И МЕТАЯЗЫКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Н.О. Золотова

Тверской государственный университет

Метакогниция и используемый при этом метаязык рассматриваются как процесс переработки информации, протекающий на разных уровнях осознаваемости. Особое внимание уделяется обсуждению вопроса о свойстве рефлексивности, присущем как обыденному, так и профессиональному сознанию. Развивается психолингвистический подход к проблеме метаязыка человека как особого механизма его речемыслительной деятельности, «работа» которого осуществляется с помощью единиц ядра метального лексикона.

Ключевые слова: метакогниция, рефлексия, первичный метаязык, ядро ментального лексикона, обыденное сознание, наивный пользователь языком.

Способность к особой форме умственной деятельности – толкованию явлений, на которую в свое время специально обращал внимание И.М. Сеченов [16: 299], является важным ресурсом интеллектуального роста человека. «Ум как истолкователь фактов», по выражению учёного, в современной психологии рассматривается в русле изучения интеллектуальной рефлексии (способности думать об основаниях собственного мышления) и с точки зрения особенностей формирования метакогнитивных механизмов интеллектуальной саморегуляции.

В настоящее время отчётливо осознается тот факт, что наряду с традиционно изучавшимися процессами переработки информации (такими как восприятие, память, мышление) существуют метакогнитивные процессы, отвечающие за управление ходом текущей интеллектуальной деятельности. Введение в научный обиход термина «метакогниция» приписывается американскому специалисту в области возрастной психологии Дж. Флейвеллу, в понимании которого метакогниция (*metacognition*) представляет собой познание познания [19: 37] и выражается в осознании индивидом своих собственных когнитивных процессов и их продуктов [20: 232]. В отечественной науке специальное внимание изучению особенностей организации метакогнитивного опыта и роли интеллектуальной рефлексии в системе интеллектуальной деятельности уделяется М.А. Холодной [17].

Особенность метакогниции в лингвистической сфере заключается в том, что, с одной стороны, естественный человеческий язык становится предметом изучения, с другой стороны, именно он выступает в качестве инструмента исследования, превращая, таким образом, познавательные процессы в метапознавательные [13: 24]. Проблема метакогниции тесно связана и с проблемой метаязыкового сознания, прежде всего его обыденной формы, которая широко обсуждается в современной лингвистике.

Метаязыковое сознание становится предметом лингвистического анализа и сводится к изучению «форм активной рефлексии», отражённой в обыденном сознании индивида и представленной в достаточно широком диапазоне: от

спонтанных высказываний о языке и его элементах, отношениях, свойствах и т.п. до достаточно объёмного, иногда и глубокого теоретизирования по этому поводу (хотя нередко с различными уклонами в сторону мифологического мышления) [6: 7].

Наблюдения над осознанной рефлектирующей деятельностью «обычных» людей издавна привлекали внимание языковедов разных лингвистических школ и направлений и оформлялись в виде таких областей исследования, как обыденное языковедение, бытовая, фолк-, или народная лингвистика, наивная философия языка, лингвистика метаязыкового сознания и т.п. Основной массив выполняемых в этих областях исследований связан с изучением «обыденного фактора» в становлении и функционировании языка «рядового» человека – носителя культуры.

Кроме устоявшегося обозначения обсуждаемого феномена – «метаязыковое сознание» – в литературе можно наблюдать формальное варьирование термина при идентичном его наполнении. Например, по некоторым наблюдениям [15: 48], к вариативному ряду можно отнести такие обозначения, как «языковое самосознание» (Никитина С.Е.), «металингвистическая рефлексия» (Петухова И.А., Шишкина В.Ю.), «аттитюды говорящих к языку» (Вингерден М.). Добавим сюда то, что Ю.Д. Апресян называл «метаязыковой практикой говорящих», моделирование которой с помощью свободных дескрипций (свободных перифразов) допускается им при объяснении значений слов, в то время как собственно толкование лексемы моделирует ещё и научно-лингвистическое знание языка [1].

В качестве единицы анализа метаязыкового сознания человека предлагается понятие рефлексива, под которым подразумевается относительно законченное метаязыковое высказывание, содержащее комментарий к употребляемому слову или выражению [5].

Акцент на изучении «ненаучных» представлений «обычных» людей о таких фундаментальных понятиях, как язык, культура, мышление и т.п. обусловлен интересом к природе знания, в том числе языкового. Сложность анализа метаязыковой деятельности «наивных» пользователей языком связана с зыбкостью границ между «профессионалом» и «непрофессионалом»: и тот, и другой являются действующими языковыми субъектами, носителями одного языка и культуры. В то же время «рядовой» носитель языка и его языковое поведение представляют собой не что иное, как объект исследования лингвиста-профессионала. Подобная ситуация характерна для всего гуманитарного знания и связана с так называемым «парадоксом границы» (термин Лопе Гарсиа): «человек является и субъектом, и объектом в сфере гуманитарных исследований, граница между ними лишь функциональна и возникает в процессе деятельности, метакогнитивной по своей сути» [12: 7].

Вопрос о влиянии наивных представлений людей, например, об «устройстве» иностранного языка на их усилиях по его изучению, решается такими исследователями, как В.Б. Кашкин однозначно в пользу лингвистического просвещения, способного нейтрализовать метаязык-миф «непрофессионалов». Не-

обходимость знакомства с основами науки о языке, в первую очередь, в сфере преподавания языков представляется автору первостепенной: «... в противном случае многие усилия наивных пользователей по изучению языков будут напоминать действия человека, незнакомого с основами физики и пытающегося засунуть пальцы в розетку» [цит. раб.: 31].

В то же время, по мнению того же автора, научное осмысление языка является вторичным по отношению к обыденному: «Если общественно принимаемое (научное) знание появляется всё-таки не сразу, то рефлексия пользователя языка о своем вербальном инструменте появляется одновременно с ним самим» [11: 42]. Несмотря на то, что бытовые знания о языке не всегда совпадают с научными, они представляют определённую ценность для металингвистики, так как исследование восприятия языковых феноменов «рядовым» человеком позволяет понять механизмы формирования представлений о языке в индивидуальном сознании: «Имея дело с обыденным знанием мы, фактически, сталкиваемся с одним из первичных (и альтернативных) способов познания мира и управления человеческими действиями в нем» [цит. раб.: 45].

Присутствие в широком публичном пространстве феноменов так называемой языковой рефлексии над ресурсами того или иного языка провоцирует пристальное внимание языкового сообщества, вечно озабоченного защитой своего языка от упадка, разрушения литературной нормы и т.п. в результате влияния заимствований и разговорных или просторечных узусов. Критические размышления, например, над немецким языком, возникшие из наблюдений над его строением и использованием в речевой практике, а также отражающие мнение рядовых носителей языка об угрозе, которая нависла над «хорошим», «правильным» немецким языком в условиях сильного влияния внешних факторов на его развитие оказались плодотворным материалом для изучения столкновения двух форм языковой рефлексии – профессиональных и непрофессиональных представлений о фактах и процессах, наблюдаемых в речевой практике [2]. Автор цитируемого исследования видит «несомненный резон» в «критике» форм наклонения, в частности конъюнктива в рамках обыденного языкового сознания: подобную «критику» стоит рассматривать как повод для соотнесения научного знания о языке с реальной речевой практикой. Предлагается не пренебрегать опытом непрофессиональной языковой рефлексии, который открывает для немецкого социума возможность решать лингвокультурные задачи с учётом языкового сознания носителей языка как информантов, фиксирующих в своих суждениях наиболее уязвимые участки системы немецкого языка [цит. раб.: 42].

Продукты метаязыкового сознания также служат источником языкового материала и для диалектологии, в которой принято иметь дело с «метатекстами» диалектоносителей, т.е. с «высказываниями суждений говорящих о своём языке, зафиксированных в графической, аудио- или видеозаписи» [3: 13], и, например, для социальной психологии, изучающей психологическое состояние общества на данный момент, его социокультурные настроения через языковую рефлексия носителей культуры [5].

Особое место в ряду исследований метаязыкового сознания занимают дети, рефлектирующие по поводу языковых явлений. Высказывания ребёнка, содержащие размышления о языке и речи, попадают в число наиболее обсуждаемых проблем в онтолингвистике, или лингвистике детской речи, пользующейся лингвистическими методами анализа, и в собственно психолингвистике, в частности психолингвистических исследованиях онтогенеза. Интеллектуальное развитие ребёнка происходит вместе с процессом усвоения языка, которым ребёнок овладевает в целом к трёхлетнему возрасту. В это же время формируются первые метаязыковые навыки, проявляющиеся в размышлении над языковыми фактами, что часто отражается в детском словотворчестве. В свое время К.И. Чуковскому удалось привлечь внимание соотечественников к этому удивительному феномену благодаря опубликованной им книге «От двух до пяти», претерпевшей несколько изданий.

В контексте психолингвистических исследований, связанных с вопросами овладения родным и вторым (иностраным) языком, проблема метаязыка занимает важное место. С психолингвистической точки зрения, метаязык, которым пользуется человек в речемыслительной деятельности, рассматривается как особый механизм, роль которого в становлении и функционировании «живого» человеческого языка акцентировалась Н.И. Жинкиным. По мнению учёного, живой человеческий язык не фиксирован. Посредством ограниченного числа языковых средств может быть высказано бесконечное множество мыслимых содержаний. Это достигается благодаря особому механизму – механизму метаязыка, «который работает как пульс, в каждом языковом акте» [7: 148].

Развитие языка ребёнка ставится Р.О. Якобсоном в зависимость от его «способности вырабатывать в себе метаязык, т.е. сопоставлять языковые знаки и говорить о самом языке» [18: 116]. Другими словами, ребёнок, осваивая язык, прибегает к метаязыковой и метакогнитивной деятельности, при этом происходит переживание понятого, которое фиксируется в специфических мозговых кодах, но не всегда доступно для вербализации. Полученные при этом продукты носят *функциональный* характер, связаны со знаниями процедурного типа и выполняют роль деятельностных ориентиров в процессах говорения и понимания речи ребёнком, который вырабатывает их «для себя», в своих индивидуальных кодах и использует на разных уровнях осознанности. Эти свойства функциональных ориентиров оказываются удобными и эффективными для пользующегося ими индивида, но, в то же время, трудно соотносимыми с вербальными формулировками прескриптивных правил и с лингвистическими терминами при школьном обучении родному языку, поскольку последние связаны со знанием качественно иного – декларативного типа. Взрослый человек, успешно окончивший школу и не являющийся лингвистом, продолжает пользоваться не столько заученными правилами, сколько функциональными ориентирами разных видов, успешно справляясь со многими проблемами взаимопонимания при общении, но испытывая трудности, когда требуется установить или объяснить, как и почему правильно говорить и писать нужно так, а не иначе (см. подробно об этом: [8]).

Представляется, что ведущее место в наборе функциональных ориентиров (опор) пользователя языком занимают единицы ядра лексикона как первично усвоенные и связанные с процедурным знанием [10]. Очевидно, этого достаточно для установления факта понимания (и взаимопонимания при общении). Добавим, что метаязыковая деятельность «рядового» носителя языка в норме протекает в скрытых как от исследователя, так и от самого человека формах и эксплицируется в ситуациях затруднений при общении или экспериментальных ситуациях, когда возможно обнаружить вербальные «следы» рефлексивных актов испытуемых.

С точки зрения Г.И. Богина, такого рода рефлексия относится к обыденному типу и рассматривается автором как «дефектная», поскольку последствия такой рефлексии осознаются («Я понял и знаю об этом», «Я решил и знаю об этом, «Я теперь знаю о своем незнании», «Я возненавидел это и теперь знаю о своем новом чувстве»), но процесс остается «неосознаваемым», т.е. не подотчетным субъекту действия [4: 5]. Этот тип рефлексии существует наряду с так называемым «пониманием без понимания» в ситуациях, когда «незачем понимать, когда и так понятно», т.е. в ситуациях, требующих нерефлексивного смыслового восприятия автоматизмов разговорной речи. Автор противопоставляет таким ситуациям ситуации, понимание которых достигается на основе «учёной» рефлексии [там же]. При таком разграничении типов рефлексий, соответствующих трём коммуникативным нормативам, автор как исследователь-филолог отдаёт предпочтение «учёной» рефлексии, ставя её выше «неучёной», обыденной.

Очевидно, всё зависит от угла зрения на сам процесс понимания и условий его протекания. В работе [9] обращается внимание на принципиальность чёткого разграничения двух позиций, с которых можно обсуждать те или иные аспекты понимания текста. Для целей настоящей статьи важно акцентировать уровни рефлексии воспринимающего текст читателя, поэтому цитата приводится в сжатом виде. Автор указывает, что если речь идет о *спонтанных* процессах понимания текста наивным читателем – носителем языка и культуры, то имеется в виду, что он осуществляет **первичную интерпретацию** воспринимаемого при слиянии значений и смысла, разграничение которых через **первичную рефлексию** может оказаться актуальным в случаях затруднений или рассогласований между ожидаемым и извлекаемым из текста. В отличие от этого исследователь, в русле определённого научного подхода *целенаправленно анализирующий и интерпретирующий вербализованные продукты понимания текста*, строит логичное и обоснованное вербальное описание того, что, по его мнению, делает носитель языка. В таком случае имеет место **вторичная интерпретация** уже понятого с опорой на **вторичную рефлексию** [цит. раб.: 154].

Представляется уместным привести здесь мнение М.В. Холодной по поводу интеллектуальной рефлексии, роль которой в системе интеллектуальной деятельности автор считает парадоксальной: с одной стороны, способность к рефлексии позволяет человеку правильно оценивать ситуацию и принимать решения. С другой стороны, известно, чем закончилась попытка сороконожки

отрефлексировать закономерности собственной ходьбы – полной неспособностью передвигаться [17: 133–134]. Автор ссылается на мнения некоторых исследователей, которые отмечают тот факт, что интеллектуально одарённые люди, как правило, нерефлексивны в своей актуальной интеллектуальной деятельности. Данное обстоятельство, на взгляд М.В. Холодной, отнюдь не противоречит предположению об их развитых метакогнитивных способностях. Ибо, как можно предположить, именно наличие сформированности метакогнитивных механизмов позволяет им быть в своих интеллектуальных контактах с действительностью, по выражению Р. Глезера, скорее «блестящими опознавателями», нежели «глубокими мыслителями» [цит. раб.: 134].

Таким образом, с психолингвистической точки зрения, именно первичная рефлексия наивного читателя/носителя языка, или рефлексия обыденного типа в терминах Г.И. Богина, заслуживает изучения, независимо от «дефектности», по сравнению с рефлексией учёного, пользующегося «арсеналом искусственных средств анализа», по выражению И.М. Сеченова.

Психолингвистические эксперименты с использованием методики субъективного дефинирования предоставляют наглядный фактический материал «первичной рефлексии» испытуемых в форме «ненаучных» дефиниций как результат попытки разъяснить значение предъявленного стимула «для себя» и/или «для других». Ключевыми опорами в «наивных» толкованиях, по нашим многолетним наблюдениям, выступают единицы ядра ментального лексикона человека, такие, например, как *человек* и др. Этот факт позволил нам сформулировать психолингвистическую концепцию естественного, точнее сказать, *первичного* метаязыка человека. В роли его единиц выступают слова ядра ментального лексикона в силу своих специфических характеристик [10 и др.].

Некоторые наблюдения над обсуждаемым феноменом осуществлялись с опорой на ряд ассоциативных словарей и тезаурусов, в том числе и на практическую часть работы [14]. В самом названии словаря детских высказываний А.Д. Палкина «Возрастная психолингвистика: Толковый словарь русского языка глазами детей» обозначена позиция наблюдателя – русскоязычного ребенка, с точки зрения которого даются разъяснения широкоупотребительных слов в форме зафиксированных метатекстов.

По признанию автора словаря, его испытуемые – дети 11–12-ти лет – употребляли слово *человек* практически **в каждой** словарной статье (выделено нами – Н.З.) [цит. раб.: 352].

Например, на стимул МАТЬ дети дают следующие субъективные дефиниции: *человек* женского пола, у которой есть ребёнок; *человек*, который рождает детей; *родной человек*, который родил меня; *женщина*, которая дала жизнь *человеку*; *родной человек*, который вывел тебя на свет; *человек*, который тебя родил и воспитывает; *близкий тебе человек*, который родил тебя, воспитал, кормил и будет заботиться о тебе всю жизнь; *самый любимый человек*; *человек*, имеющий сына и т.п.

Стимул МУЖЧИНА толкуется следующим образом: *человек*, пол которого противоположен женскому; *взрослый человек* мужского пола; это *человек*

мужского пола только он уже взрослый; *человек* мужского рода, уже не мальчик; *человек*, обладающий большей силой, чем женщина; это *человек*, без которого не может происходить дальнейшее развитие общества и т.п.

Материалы ассоциативных экспериментов дают основание утверждать, что метаязыковая деятельность «обычного» человека, соотносимая с первичной или базовой рефлексией в отличие от метаязыковой деятельности лингвиста-исследователя, имеющего дело с вербализованными продуктами понимания, является условием естественной (спонтанной) работы речемыслительных механизмов, обеспечивающих автоматизм оперирования языком.

Таким образом, свойство рефлексивности является одним из признаков, определяющих природу человеческого языка и делающих возможным понимание себя и другого.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Предисловие // Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон, М.Я. Гловинская, Т.В. Крылова. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 5–7.
2. Бабенко И.С. Языковая рефлексия как феномен современной немецкой лингвокультуры // Вопросы психолингвистики. № 2 (24). 2015. С. 38–42.
3. Блинова О.И. Обыденное метаязыковое сознание как источник лингвистической информации (на материале диалектной мотивологии) // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: сб. науч. тр. Кемерово – Барнаул: Кемер. гос. ун-т, 2008. С. 13–18.
4. Богин Г.И. Обыденная рефлексия как норматив акта понимания произведения речи // Нормы человеческого общения: тез. докл. межвуз. науч. конф.. Горький: ГПШИЯ им. Н.А. Добролюбова, 1990. С. 4–6.
5. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: Олма Пресс, 2005. 384 с.
6. Голев Н.Д. Орфографоцентризм как презумпция русского обыденного метаязыкового сознания // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: сб. науч. тр. Кемерово – Барнаул: Кемер. гос. ун-т, 2008. С. 19–8.
7. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Язык. Речь. Творчество. Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике: избранные труды. М.: Лабиринт, 1998. С. 146–162.
8. Залевская А.А. Вопросы теории обучения иностранным языкам. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1991. 48 с.
9. Залевская А.А. Текст и его понимание: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 177 с.
10. Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: монография. Тверь: Лилия Принт, 2005. 204 с.
11. Кашкин В. Б. Обыденная философия языка, наивная лингвистика и наивная лингвистическая технология. // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1: коллективная монография / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово – Барнаул, 2009. С. 41–60.
12. Кашкин В.Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж: Воронеж. гос. тех. ун-т, 2002. С. 4–34.
13. Кубрякова Е.С. О когнитивных процессах, происходящих в языке // Исследование познавательных процессов в языке. Серия «Когнитивные исследования языка». 2009. Вып. 5. С. 22–29.

14. Палкин А.Д. Возрастная психоллингвистика: Толковый словарь глазами детей [Текст] / – М.: НОУ МЭЛИ, 2004. – 360 с.
15. Ростова А.Н. Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: сб. науч. тр. Кемерово – Барнаул: Кемер. гос. ун-т, 2008. С. 45–53.
16. Сеченов И.М. Элементы мысли // И.М. Сеченов. Элементы мысли. СПб: Питер, 2001. С. 209–355.
17. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. 2-е изд. перераб. и доп. СПб: Питер, 2002. 272 с.
18. Якобсон Р.О. Речевая коммуникация // Р.О. Якобсон. Избранные работы / под. ред. В.А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1985. 455 с.
19. Flavell J. H. Cognitive monitoring // W. P. Dickson (Ed.). Children's Oral Communication Skills. New York, 1981. Pp. 35–60.
20. Flavell J. H. Metacognitive aspects of problem solving // L. B. Resnick (Ed.). The Nature of Intelligence. Hillsdale, 1976. Pp. 231–236.

REFLEXIVITY OF THINKING IN WORDS: METACOGNITION AND METALANGUAGE ACTIVITIES OF A SPEAKER

N.O. Zolotova

Tver State University, Tver

Metacognition and metalanguage used in metacognition are viewed as information processing taking place at different levels of awareness. Special consideration is given to reflexivity as a quality inherent both to ordinary and professional consciousness. Psycholinguistic approach towards the problem of metalanguage as a special mechanism of a man's mental activities, its work provided by the units of the core of mental lexicon, is worked out.

***Key words:** metacognition, primary metalanguage, the core of mental lexicon, ordinary consciousness, naïve speaker.*

Сведения об авторе:

ЗОЛОТОВА Наталия Октябровна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: saporovskaya@mail.ru